

ным индексом. В примечаниях раскрыты внутренние цитаты, главным образом библейские.

Изданию предшествует большая вводная статья. Даррузес кратко характеризует Симеона, останавливаясь на его полемике со Стефаном Никомидийским, которую он датирует 1003—1009 гг. (I, 9). На мой взгляд, эта традиционная датировка не бесспорна⁸. Полемика со Стефаном, полагает Даррузес, отразилась в трактатах, писанных уже несколько позднее. Далее Даррузес рассматривает содержание издаваемых им трактатов, выделяя в них четыре группы (I, 13—22), и специально останавливается на учении Симеона. Справедливо подчеркнув, что спор со Стефаном не сводится только к личным причинам, но имеет под собой идейные расхождения (I, 24), Даррузес, к сожалению, оставляет вне своего внимания социальную и этическую сторону доктрины Симеона (лишь кое-где в примечаниях он касается этой проблемы — см., например, I, 434, прим. 1) и рассматривает следующие вопросы: учение Симеона о видении бога (I, 25—28), учение о бесстрастии (I, 29 и сл.), учение о таинствах и церковной иерархии (I, 31—35). По словам Даррузеса, Симеон настаивал на синергизме бога и человека в деле спасения, при этом противодействие ему шло из кругов официальной церковной науки (I, 36 и сл.). Очень подробно Даррузес рассматривает рукописную традицию трактатов (I, 38—70), останавливаясь в заключение на вопросах стиля и языка (I, 74—83).

Отмечу две неточности в этом введении: писатель Кекавмен, разумеется, не тождествен полководцу Кекавмену Катакалону (I, 34); Николай Катаскепин написал «Житие Кирилла Филоета» не в конце XI в. (I, 72), а в первой половине XII столетия, поскольку там упоминаются события 1116 г.⁹

А. К.

G. WALTER. LA VIE QUOTIDIENNE À BYZANCE AU SIÈCLE DES COMNÈNES (1081—1180).

Paris, Librairie Hachette, 1966, 282 p.

Книга эта, посвященная будничной жизни византийцев XI—XII вв., появилась почти одновременно с аналогичной работой Т. Талбот-Райс, которую мы недавно рецензировали (см. ВВ, 30, стр. 286 и сл.). Написанная невиданно просто, она легко могла бы подвергнуться критике — и за ограниченность круга использованных источников, и за спорность отдельных суждений, и за простую неряшливость [деревня Скика вместо Схизы (стр. 74), Анна Делассина вместо Далассина (стр. 115), Константин IV вместо Константина V (стр. 144)]. Однако такой узкопрофессиональный подход к книге был бы явно несправедливым: может быть, именно потому, что автор книги не ограничен в своих знаниях византиноведением с его устоявшимися традициями, ему и удалось написать не очередной обзор византийской цивилизации, подчиненный сложившемуся трафарету, но работу со свежим и новым подходом к теме.

Книга рассчитана на широкого читателя и дает ему возможность увидеть Византию: вместе с автором мы попадаем в св. Софию, в императорский дворец, в частное жилище. Быт предстает перед нами не как сумма изолированных элементов (одежда, питание, жилище и пр.), но в серии осязаемых картин. Образность — первая заслуга Вальтера.

Но есть образность и образность. На стр. 195, открывая главу о женщине, писатель замечает: «Речь пойдет здесь не о коронованных императрицах и не о багрянородных принцессах. Ибо, рассказывая о какой-нибудь Феодоре, Зое или же Анне Комнине, оставалось бы только копировать Шарля Дилья». Вальтер как будто бы склоняется перед авторитетом Дилья — на самом же деле отталкивается от него. И действительно, Дилья принадлежит прошлому столетию с его культом изолированной личности — достойной или порочной, но блестящей и выходящей из ряда вон. Вальтер принадлежит нашему веку и видит в человеке прежде всего представителя социальной группы. Он отходит от принципов Дилья не потому, что боится соревнования со своим предшественником, но потому, что принципы эти не отвечают потребностям современности.

Социальный анализ византийского общества — вот основа книги Вальтера, основа, которая была бы чуждой Дилью. Этому посвящена добрая половина книги: стр. 73—174 (я оставляю в стороне вводные главы и живое описание «трех столпов» Константинополя — Большого дворца, св. Софии и Ипподрома). Здесь идет речь об императорской власти, о привилегированных классах (землевладельческой знати, чиновничестве и духовенстве), о горожанах и крестьянстве, об иноземцах и, наконец, о деклассированных элементах. Характеристика социальных слоев далека от какой-либо идеализации. Автор стремится выявить специфические особенности общественной структуры Византийской империи — интересно, в частности, его рассуждение

⁸ Там же, стр. 8—10.

⁹ См. P. Karlin-Hayter. L'édition de la Vie de S. Cyrille le Philéote par E. Sargolgos. — Byz., 34, 1964, p. 609 sq.

о роли скопцов в византийской администрации (стр. 95); он убедительно критикует ту точку зрения, которая и мне казалась правдоподобной, а именно, что опора византийских государей на евнухов объяснялась большей лояльностью этих людей, для которых престол был недостижимым; он справедливо замечает, что евнухи нередко участвовали в заговорах. По мысли Вальтера, лишённые «сексуальных радостей», скопцы более «бородатых» склонялись к «интеллектуальным спекуляциям» и потому оказывались деятельней и талантливей в исполнении административных функций. Очень любопытно и наблюдение Вальтера над тем, что все три Комнина с трудом овладели престолом (стр. 74—76).

Вторая часть книги посвящена будням «среднего византийца»: его жилищу, питанию и одежде, школе, браку и любви, реликвиям и суевериям, религиозным спорам и, наконец, зрелищам и развлечениям. И в этой части немало любопытных наблюдений. Так, на стр. 211 Вальтер ставит вопрос об отличии образа богородицы в Византии и на Западе. «Греческая богородица выступает более зрелой, резко отмеченной материнством — и вместе с тем более человеческой; она ближе к смертным, чем ее грозный сын — Пандократор». Кстати сказать, именно от Вальтера, много писавшего и по античности, и по новой истории (по Французской революции преимущественно), можно было ждать больше параллелей с Западом — пусть спорных, но плодотворных.

И социальная, и бытовая история Византии разработаны мало, во всяком случае неровно. Если глава об императорской власти могла основываться на ряде солидных исследований, то в разделах о господствующих (привилегированных) классах Вальтеру почти не на что было опереться. Ему поэтому не удалось обрисовать специфические особенности положения византийской светской и духовной знати; на мой взгляд, он чересчур приблизил ту и другую к классическому западному образцу. Последние работы (особенно Х. Г. Бека) позволяют внести в эту точку зрения серьезные коррективы.

И византийский быт еще нуждается во многих специальных исследованиях. Думаю, в частности, что Вальтер чересчур доверился сатирическим сценкам Продрома и представил византийцев большими гурманами и обжорами (стр. 125, 178—180), чем они были на самом деле. Они ели не три раза в день, а не более двух, а Кекавмен советовал обходиться одной трапезой в сутки. И пища была не слишком разнообразной, ее основными компонентами оставались хлеб (на Балканах преимущественно ячменный) и вино; остальное составляло дополнение, «приварок».

И еще одно замечание. Хорошо, что книга Вальтера ограничена во времени — одним столетием, но, к сожалению, она не приобрела от этого историзма. Дело не в том, что автор постоянно углубляется в прошлое (первая глава называется «Рождение Нового Рима»), — это, пожалуй, закономерно. Однако же в книге почти нигде не ставится вопрос о специфике данного этапа византийской истории, о его отличии от предшествующих столетий. Изменилось ли положение знати, духовенства, императоров, тех же скопцов, наконец, или все в общем и целом осталось без перемен — вот один из коренных вопросов, стоящих перед исследователем.

А. К.

C H. M. B R A N D. BYZANTIUM CONFRONTS THE WEST. 1180—1204.

Cambridge, Mass., 1968, p.X + 394.

W. H E C H T. DIE BYZANTINISCHE AUßENPOLITIK ZUR ZEIT DER LETZTEN KOMNENENKAISER (1180—1185).

Neustadt/Aisch, 1967, S.XII + 96

Взятие Константинополя от коняны Мануила I отделяет всего четверть столетия; можно сказать, что за это время едва сменилось одно поколение — а катастрофическое изменение внешнеполитической ситуации Византии очевидно для каждого наблюдателя. Из могущественной империи, соперничавшей с Германией Фридриха Барбароссы, она превратилась в ничтожное государство, без особого труда захваченное горсточкой крестоносцев. Констатировать этот факт просто, объяснить его — много сложнее. В какой-то мере такую задачу ставят перед собой авторы обеих рецензируемых книг, молодые византилисты — американец Ч. М. Брэнд, преподаватель истории колледжа Брин-Мор, и выпускник Вюрцбургского университета В. Хехт.

Обе книги отличает одна особенность — широкое привлечение многообразных источников: наряду с греческими, среди которых, разумеется, первое место принадлежит Никите Хониату, анализируются итальянские, немецкие, французские, английские хроники, русские летописи, сочинения армянских, сирийских, арабских историков. Факты тщательно взвешены, учтены суждения предшественников, используются труды и славяноязычных исследователей, в том числе советских.

Вместе с тем обе работы значительно отличаются друг от друга — не только протяженностью рассмотренного времени или пространства (Хехт изучает лишь первые